

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH153390-411>

Хапизов Шахбан Магомедович,

к.и.н., научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

markozul@mail.ru

К ИЗУЧЕНИЮ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ МЕЖДУРЕЧЬЯ АКСАЯ И АКТАША (СЕВЕРНЫЙ ДАГЕСТАН) В I–II ТЫС. Н.Э.

Аннотация. В статье на основе разнообразного круга исторических источников показана этнокультурная ситуация, существовавшая на территории среднего течения междуречья Аксая и Акташа на протяжении длительного исторического периода, охватывающего I–II тыс. н.э. Данный регион, расположенный на границе гор и низменности, как видно из представленных материалов, выступал и выступает контактной зоной, на территории которой происходили и происходят активные и разносторонние этнокультурные, экономические и политические связи различных по происхождению культур и народов. На раннем этапе, с первых веков н.э. и вплоть до эпохи Великого переселения народов, это была зона взаимодействия местного (прадагестанского) населения и пришлых сармато-аланских племен (сарматы, маскуты, аланы). С V–VI вв. в этом процессе тесного этнокультурного взаимодействия начинают принимать участие различные тюркоязычные племена – гунны-савиры, тюркюты, затем хазары и т.д. Средневековые дагестано(аварско-)–тюркские контакты в рассматриваемой зоне нашли отражение в салатавском диалекте аварского языка и в местной топонимике, представленной как дагестанскими (аварскими), так и тюркскими топонимами. Археологические данные и сведения средневековых письменных источников свидетельствуют, что до конца XIV в. центральным поселением данного микрорегиона являлся крупный аварский город Алмак. В конце XIV в. известный завоеватель Тимур Барлас в ходе нескольких походов опустошил эту территорию. В результате население было частично истреблено, а частью укрылось в горной Аварии. В XV–XVII вв. происходил постепенный возврат этого населения на прежние места жительства. В 1763 г. в этот микрорегион началось переселение из Ингушетии и западной Чечни. Осуществлялось оно в рамках перемещения эндирейскими князьями податного населения на территории, прежде занятые аварскими хуторами. В XIX – начале XX вв. наблюдается массовая миграция в эту зону чеченцев. В конце 1943 г. было принято решение о создании Ауховского района, но этот процесс был прерван депортацией аккинцев и чеченцев в Среднюю Азию в конце февраля 1944 г. В итоге, просуществовавший только документально, но не фактически, менее полугода Ауховский район был ликвидирован. На большей части его территории в 1944 г. был создан Новолакский район, получивший свое наименование по насильственно переселенным сюда лакцам. В конце 1950-х гг. чеченцы и аккинцы возвратились на территорию Дагестана. На рубеже 1980-90-х гг. межнациональные отношения в этом районе ухудшились. Обстановка накалилась в 1990-е гг. после принятия решения о восстановлении Ауховского района, которое было принято без учета мнения значительной части местного населения. Эта неопределенность сохраняется по сей день, поскольку окончательного решения по статусу этой территории не принято.

Ключевые слова: Новолакский район; Казбековский район; Ауховский район; аварцы; лакцы; аккинцы; чеченцы.

© Ш.М. Хапизов, 2019

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2019

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH153390-411>

Shahban M. Khapizov
Ph.D. (History), Researcher,
The Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
markozul@mail.ru

TO THE STUDY OF ETHNO-CULTURAL SITUATION IN THE MIDDLE INTERFLUVE OF AKSAY AND AKTASH (NORTH DAGESTAN) IN THE I–II MILLENNIA AD

Abstract. Based on a wide range of various historical sources, the article considers the ethnocultural situation that existed on the territory of the middle course of Aksay and Aktash interfluve for a long historical period of the 1st and the 2nd millennia AD. This region, located on the border of mountains and lowlands remains the contact zone on the territory of which active and diverse ethnocultural, economic and political contacts of cultures and peoples of different origin have been occurring.

At an early stage, from the first centuries AD and up to the era of the Great human migration, this was a contact zone between the local (pra-Dagestan) population and the alien Sarmatian-Alan tribes (Sarmatians, Maskuts, Alans). From the 5th – 6th centuries, various Turkic-speaking tribes, such as the Huns-Savirs, Turkuts, then the Khazars, etc. have been taking part in this close ethnic-cultural interaction process. Medieval Dagestan (Avar-)-Turkic contacts in the zone are reflected in the Salatav dialect of the Avar language and in the local toponymy, represented by both Dagestan (Avar) and Turkic toponyms.

Archaeological data from the medieval historical sources indicates that until the end of the 14th century the central settlement of this microregion was the large Avar city of Almak. At the very end of the 14th century the famous conqueror Timur Barlas devastated this area during several campaigns. As a result, the population was partially exterminated, and they had to hide in the mountainous Avaria. In the 15th – 17th centuries there was a gradual return of these people to their former places of residence. In 1763, the resettlement of the population from Ingushetia and western Chechnya to this microregion began. It was carried out in the framework of the settlement of the lands of the Endirean princes by the tax-paying population in the territory formerly occupied by the Avar farms. In the 19th – early 20th centuries Chechens settled here en masse. At the very end of 1943, a decision was made to establish the Aukhovsky district, but this process was interrupted by the deportation of Akkins and Chechens to Central Asia at the end of February 1944. As a result, the region that had only existed less than half a year, was liquidated. In the largest part of its territory in 1944, the Novolaksky district was founded. In the late 1950s' Chechens and Akkins returned to Dagestan. At the turn of the 80s' – 90s' interethnic relations in the area have deteriorated. The situation escalated in the 90s' after the decision was made to restore the Aukhovsky district without taking into account the opinion of a significant part of the population. This uncertainty remains to this day, since no final decision has been made on the status of this region.

Keywords: Novolaksky district; Kazbekovsky district; Aukhovsky district; Avars; Laks; Akkins; Chechens.

Историческое прошлое, и особенно этнокультурная история среднего течения междуречья Акса́я и Акта́ша, охватывающего современные Новолакский район и селения Лени́наул, Кали́нинаул и Алма́к Казбековского района Республики Дагестан, представляется на данный момент слишком мифологизированным и этнополитизированным. Нет единого свода исторических данных по этому микрорегиону, начиная с древности и до наших дней.

Еще в 1999 г. Б.Г. Алиев и М.-С.К. Умаханов указывали, что «в последние годы высказываются мнения о пребывании вайнахов» с древнейших времен на территории Терско-Сулакского междуречья – современного Хасавюртовского региона. На основании обширного круга источников ими была подготовлена историческая справка объемом около 50 страниц, которая вошла в 1-й том «Исторической географии Дагестана в XVII – нач. XIX в.» [1, с. 128–180]. Они приходят к выводу, что авторы XVII – первой половины XVIII в. не упоминают ни аккинских населенных пунктов, ни самого факта пребывания компактной массы чеченцев на территории Терско-Сулакского междуречья. По их данным, целый ряд авторов, описывавших владения Эндирея и Акса́я, «ни словом ни упоминают о чеченцах или аккинцах», что говорит либо об их отсутствии, либо о крайне незначительном количестве представителей этих народов [1, с. 180].

После выхода в свет данной монографии прошло 20 лет, за это время введены в оборот новые исторические источники, значительно обогатилась историография этого вопроса, что заставляет нас вновь обратиться к данному вопросу. Изменились и временные и географические рамки исследования, которое охватывает и события XIX–XX вв.

С раннесредневекового времени на территории, охватывающей западную часть Казбековского района, фиксируются поселения и укрепленные городища, которые протянулись от Бурсуна до современного селения Алма́к. Все они входили в состав своего рода средневековой «поселенческой агломерации» под названием Алма́к (авар. – Алмахъ), которое переводится с аварского языка как «на плато» [2, с. 26–27]. Существует и тюркская этимология этого топонима, которая свидетельствует, что это название дано данному населенному пункту завоевателем Тимуром в конце XIV в. («то, что невозможно захватить»).

На самом севере этой средневековой агломерации располагается Бурсунское поселение (ныне это северная часть сел. Лени́наул, располагающаяся на берегу р. Акта́ш). Там же обнаружены остатки кладбища, представленного грунтовыми могилами.

На территории самого Лени́наула найдено поселение, самые ранние слои которого доходят до I в. н.э. Оно продолжало функционировать и в средневековый период, о чем свидетельствуют «христианские могилы, в одной из которых найден высеченный из камня крест» [3, с. 131].

Могильник и остатки поселения обнаружены на территории современного сел. Кали́нинаул. Чуть южнее Кали́нинаула, на горном хребте, на котором в XIX в. возник хутор Арбули-отар, располагалось укрепленное городище с ци-

таделью (размерами 35x25 м) и собственно населенным пунктом V–VIII вв. Еще чуть южнее, на территории плато Гайлиб был обнаружен могильник, свидетельствующий о наличии здесь населенного пункта. В 1 км к юго-востоку от него располагалось еще одно – Алмакское городище домонгольского периода. В округе Алмака зафиксированы и могильники I тыс. н.э., представленные каменными ящиками и склепами, характерными для погребальной обрядности местного населения [3, с. 131].

Таким образом, на протяжении 15 км, начиная от Ленинаула до Алмака, на данной территории располагались стационарные поселения и могильники местного населения. Характерные для пришлых кочевников курганные некрополи здесь не зафиксированы. Данные археологические памятники, исходя из их материальной культуры и погребального обряда, которые «традиционны для Дагестана» [4, с. 215–216], могут рассматриваться, как оставленные местными прадагестанскими племенами.

В III в. н.э. в северо-западный Прикаспий вплоть до низовий р. Сулак проникают ираноязычные маскуты и родственные им аланы, которые активно осваивают эту территорию и постепенно переходят к полуоседлому и оседлому образу жизни – здесь возникают немалочисленные стационарные поселения. Последние исследования предполагают существование в Терско-Сулакском междуречье этого периода раннегосударственного образования маскутов и позволяют рассматривать Андрейаульское городище на левом берегу Акташа как один из его центров [5, с. 148]. В 330-х гг. и затем на рубеже IV–V вв. значительная часть маскутов и алан мигрировала на территорию Приморского Дагестана к югу от р. Сулак и южнее Дербента, где фиксируется известная по письменным источникам «страна маскутов». Эта историческая область вплоть до настоящего времени была известна под названием Мушкур (название произошло от этнонима маскутов) [5, с. 150].

Что касается, памятников Терско-Сулакского междуречья этого времени и раннесредневекового периода, то *«расцвет этой оригинальной культуры связан с древними земледельческими племенами Северо-Восточного Дагестана... Начиная с IV в. развитие культуры неоднократно нарушается. Однако, несмотря на эти разрывы, связанные с вторжениями кочевников, основные элементы культуры местных земледельцев продолжают бытовать вплоть до прекращения жизни на памятниках Терско-Сулакского междуречья. Особенно ярко это прослеживается по керамике»* [6, с. 138]. Если в позднесарматский период и вплоть до эпохи Великого переселения народов эта территория была зоной тесного экономического, политического и этнокультурного взаимодействия местного (прадагестанского) населения и пришлых сармато-аланских племен (сарматы, маскуты, аланы), то с конца IV–V вв. и в последующие века в процессе тесного этнокультурного взаимодействия на этой территории начинают принимать участие различные кочевые племена – савиры, тюркюты, затем хазары и т.д.

Несмотря на вхождение этого края в состав Хазарии, местная культура

сохраняется здесь до VIII–IX вв. «Хазария оказалась наследницей не только богатых земледельческих районов, но и сложившихся здесь с глубокой древности оседло-земледельческих и ремесленных традиций». В ходе арабо-хазарских войн в начале IX в. значительная масса хазар и подвластных им племен под натиском арабов покинула Приморский Дагестан и переместилась на Волгу и Дон, где возникла новая столица Хазарии (город Итиль) и складываются новые хозяйственно-экономические центры». В ходе этого процесса, «переселенцы из Дагестана перенесли в юго-восточную часть Европы некоторые компоненты хозяйственно-культурного типа» [6, с. 139]. Тем не менее, некоторые городские центры Хазарии и, прежде всего, Семендер, приоритетно локализуемый на территории Махачкалы, продолжали играть свою роль вплоть до разгрома Хазарского каганата во время похода князя Святослава в 968–969 г. По мнению А.В. Гадло, в связи с крушением Хазарии «расширили свои территории в направлении степи Аланское и Сарирское политические образования», которые сконцентрировали свои крепости и крупные стационарные поселения в предгорной зоне [7, с. 53–54].

Раннегосударственное образование Сарир, этнокультурную основу которого составляли древнедагестанские (дренеаварские) племена, таким образом, охватило территорию равнинной части Терско-Сулакского междуречья. Раннесредневековое Верхнечирюртовское городище, идентифицируемое с городом Беленджер, расположенное на территории и рядом с сел. Гелбах (Верхний Чирюрт) и Бавтугай (Бавтугайское городище) и где выявлены мощные оборонительные сооружения, на взгляд Д. Атаева, являлось пограничной крепостью этого царства [8, с. 193]. В 1957 г. Верхнечирюртовский грунтовый могильник исследовался Н.Д. Путинцевой, которая считает, что все погребения, независимо от типа, принадлежат местным дагестанским племенам, которые, живя бок о бок с пришельцами, подверглись этническому и культурному влиянию иноплеменников. Особенности культурного облика могильника, по мнению Н.Д. Путинцевой, позволяют выделить его из числа синхронных памятников Дагестана и отнести комплекс к локальному варианту дагестанской автохтонной культуры [9, с. 263]. Последующие раскопки и исследования грунтового и курганного некрополей Верхнечирюртовского городища, проведенные, в частности М.Г. Магомедовым, показали принадлежность представленных здесь погребальных памятников кочевым племенам [10], которые, очевидно, несли здесь воинскую службу по охране этого стратегически важного форпоста, закрывавшего проход в предгорную и горную зону.

Различные типы погребений Верхнечирюртовского грунтового могильника (катакомбы, ямы, подбойные могилы) связывались исследователями с аланами, савирами, булгарами, тогда как погребения в катакомбах курганного могильника – с хазарами и аланами [11, с. 63–87; см. также: 12; 13]. Вне зависимости от этнокультурной интерпретации данных погребений, Верхнечирюртовское городище достаточно веско идентифицируется с Баланджаром – городом, основанным в середине VI в. Хосровом Ануширваном и впоследствии ставшим

одним из городских центров Хазарского каганата [11, с. 196–197].

Местоположение городища в разрыве передового хребта у выхода реки Сулак на равнину ясно демонстрирует его роль в контроле важного пути в горный Дагестан, на территорию Сарира. Оно закрывало и защищало этот стратегический проход, и обращает внимание, что его оборонительные сооружения были направлены в сторону равнины, а не гор. Это может веско указывать на то, что городище являлось форпостом Сарира, в котором важную роль, судя по представленным погребальным памятникам, играли пришлые кочевые племена, переходящие или перешедшие к оседлому образу жизни. Таким образом, данный памятник демонстрирует военно-политические контакты местного и пришлого населения. Но следует отметить, что путь по руслу Сулака являлся важной и торгово-экономической дорогой, связывавшей горы и равнину. И это нашло яркое отражение в тюркском названии реки – Койсу («Овечья река»), которую в XIII в. называли по-арабски Нахр ал-ганам («река овец»), что демонстрирует путь вдоль Сулака как важной скотопрогонной трассы в обоих направлениях – на летние альпийские и зимние равнинные пастбища. В частности, сирийский историк и географ Абу-л-Фида Имад ад-Дин (1273–1331 гг.) пишет «река ал-Ганам, которая пересекает страну ас-Сарир... Река ал-Ганам большая, зимой она замерзает, и выючные животные переправляются через нее. Она впадает в море ал-Хазар...» [14, с. 117]. В этих торгово-экономических связях было заинтересовано как равнинное, так и горское население, и в этих контактах важная роль должна была отводиться Верхнечирюртовскому городищу (Беленджеру).

Также следует учитывать, что в представлении грузинского историка XI в. Леонти Мровели на Восточном Кавказе существовала крупная этнополитическая общность под названием «Лекети», которая тянулась от «моря Дарубандского на востоке до реки Ломеки» [15, с. 25], т.е. Терека на западе. Под Лекети, по мнению исследователей, «скрывается конкретное наименование Сарир» [16, с. 78; 17, с. 25].

В сфере влияния Верхнечирюртовского городища, как крупного раннегородского центра, очевидно находилось Терско-Сулакское междуречье, на территории которого выявлен целый ряд археологических памятников, культура которых аналогична культуре названного городища. Речь идет о городищах Сигитма (недалеко от п. Дубки), Акташ, Новокули и др. [18, с. 158]. Последнее городище, получившее название Хазар-кала, расположено на правом берегу р. Ярыксу, на северной окраине сел. Новокули. Судя по материалам археологических исследований, городище существовало в I–IX вв. [3, с. 130]. Остальные поселения на территории Новолакского района имеют малые размеры.

Исследователи средневекового периода в истории Восточного Кавказа единодушно поддерживают мнение о существовании известного по источникам средневекового города Алмак, состоявшего из 7 тысяч домов и имевшего 30-тысячное население [19, с. 196]. Признанный исследователь средневековой истории Дагестана А.Е. Криштопа указывает, что город Алмак был центром

довольно обширной аграрной округи [20, с. 166]. В состав этой округи, по его сведениям, входили аграрные поселки Куриман (часть Ленинаула), Нахъатар (часть Калининаула), Гъайлиб (к западу от Алмака), Къарачилнохъо, Чорто и другие хутора [20, с. 199–200]. При этом оно имело три укрепления, которые располагались на месте расположения современных селений Алмак, Ленинаул¹ и Саларосо (Калининаул) [19, с. 196]. Цитадель этого города (размером 300х100 м) располагалась на оконечности скалистого хребта, ограниченного почти со всех сторон отвесными 100-метровыми склонами каньонов. Ныне это старая часть Алмака, где расположена Джума-мечеть. На территории городища встречаются остатки различных строений и керамика X–XIV вв. [3, с. 131]. Археологические данные позволяют расценивать Алмакское городище, как один из раннегородских центров средневекового дагестанского государства Сарир.

Вместе с тем, территория среднего течения междуречья Аксая и Акташа и нижней Салатавии, расположенная на границе гор и низменности, как видно из представленных материалов, являлась контактной зоной, где происходили активные и разносторонние этнокультурные, экономические и политические связи различных по происхождению культур и народов. Средневековые дагестано(аварско-)–тюркские контакты в рассматриваемой зоне нашли отражение в местной топонимике. К примеру, авторы коллективного труда «Материальная культура аварцев» пишут о «смешанной – аварско-кумыкской» топонимике этого региона, подчеркивая, что *«во многих случаях в Казбековском районе встречается и чисто аварская топонимика и, кроме того, прослеживается в некоторых случаях под кумыкской топонимикой более древний пласт – аварский»* [21, с. 123–124].

Противостояние «Авара» Тимуру Барласу (конец XIV в.)

Время нашествия Тимура явилось важной вехой в истории данного региона, потому к событиям данного периода требуется особое внимание. Основным источником при освещении событий данного времени являются сочинения двух биографов Тимура. Во-первых, это Низам-ад-дин Шами – житель Тебриза, в 1392/93 г. после взятия родного города, поступил к нему на службу и стал его историографом, составив «книгу его побед» – «Зафар-наме». Во-вторых – Шереф-ад-дин Йазди (1405–1447 гг.) – иранский историк родом из г. Йазд, был придворным историографом правителей Фарса. С использованием труда его предшественника – Низам-ад-дина Шами, он составил идентичный по названию («Зафар-намэ»), но более развернутый по своему содержанию исторический труд [22, с. 144].

Непосредственно данный регион был затронут только в ходе второго похода

¹ На Военно-топографической карте Кавказской губернии 1811 г. между Акташ-аухом (Ленинаул) и Зандаком расположен населенный пункт Алмак [РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 3044. Л. 1]. Очевидно, что это один из хуторов Алмака, которые были раскинуты на большой территории, включавшей в себя земли по левую сторону от р. Акташ.

Тимура в Дагестан, в 798 г.х. (1395/1396 г.), когда он направил свои отряды «на черкесов». Летописец говорит о том, что войско во время этого похода подошло к «горе Эльбурз», где атаковали крепости «Кулу и Тауса» [22, с. 122], которые некоторые исследователи пытались локализовать на территории Дагестана. На самом деле, общепринятым в отечественном кавказоведении считается мнение, что Кулу и Таус располагались в Кабардино-Балкарии [23, с. 216]. Согласно узбекскому исследователю А. Ахмедову, издавшему недавно труд Шараф ад-Дина Али Йазди, «Кула и Тавус» – крепости на территории Осетии [24, с. 201, 420]. Учитывая близость двух регионов и их отдаленность от Дагестана, версию о расположении их на территории нашей республики следует считать неверной. В Кабардино-Балкарии располагалось также владение некоего владетеля Пулада, чья территория ныне населена балкарцами. Пройдя через местность Балкана, которая идентифицируется с Черекским ущельем, Тимур двинулся в местность Капчигай, располагавшуюся в районе села Верхний Чегем. Летописец говорит о разрушении этих крепостей [23, с. 216].

Только после этого Тимур повернул обратно, и его войско расположилось лагерем среди «Бештагъа», т.е. в районе современного Пятигорска. Затем, дав своим войскам отдых, Тимур двинул войска на восточную часть современной Чечни и перешел оттуда в Аварию – нынешний Гумбетовский и Казбековский районы Дагестана. Шараф ад-Дин Али Йазди пишет следующее о первой части этого похода: *«Тимур – завоеватель стран с победоносными войсками быстрым походом (илгар) двинулся на Симсим и, благополучно прибыв туда, благодаря возрастающему счастью овладел всем этим улусом... Один-два дня огонь гнева его так пылал, что сжег и сухое и влажное, и он разорил и уничтожил все церкви и капища их»* [22, с. 183]. Большинство историков полагает, что «область Симсим» находилась на территории нынешних Ножаюртовского и Веденского районов ЧР, но в других письменных источниках «Симсим» не упоминается.

Сообщения о второй части этого похода получили самую разную интерпретацию у различных исследователей и даже стали основанием для того, чтобы выдвигать версии о населении Терско-сулакского междуречья аккинцами уже в XIV в. Здесь мы процитируем обоих авторов и приведем звучания географических названий и этнонимов в оригинале, что позволит правильно понять информацию, передаваемую источниками.

Низам-ад-дин Шами пишет, что Тимур *«спустившись»* из горной части современного востока Чечни, *«сделал набег на предгорье горы Аухар, и войско привезло много добычи, корма и пищи. Оттуда он пошел обратно через Бешкенд»* – «область», жители которой уже ранее покорились Тимуру и потому его войско *«совершенно не трогало их и не причиняло им ни малого, ни большого ущерба»* [22, с. 183].

Шараф ад-Дин Йазди сообщает во многом схожую информацию: *«Спустившись оттуда, он сделал набег на подножие горы Аухар, и воинам досталась большая добыча. Оттуда Тимур повернул назад и направился к*

Бешкенту. Эту область он украсил светом правосудия и благости и делами великодушия и благодеяния» [22, с. 183].

На основании упоминания в данных источниках географического названия, приведенного в переводе В.Г. Тизенгаузена в форме «Аухар», некоторые чеченские авторы, исходя только лишь из кажущейся схожести данного названия с более поздним топонимом «Аух», категорично решили, что здесь упоминается регион расселения чеченцев-аккинцев. Однако, они не проверили написание данного названия в оригинале, а ведь если прочесть арабграфическое написание названия в сборнике материалов, собранных В.Г. Тизенгаузенем, наглядно видно, что там написано не «Аухар», а «Авгъар» (*Avhar*) [22, с. 183]. Также стоит отметить, что в более позднем издании (Ташкент, 2008) сочинения Шараф ад-Дина Йазди, данный топоним на русском языке приведен в форме «Авахар» («*Спустившись с тех гор, направились к горе Авахар, расстроил тамошний улус, взял много имущества. Оттуда возвратился и пошел на Бешкент, покорил ту область, установил порядок и справедливость»* [24, с. 203]).

Очевидно, что *Avhar* не может иметь никакого отношения к названию Аух, которое, во-первых, является дагестанской формой чеченского этнонима Акхи (авар. – *Павухъ*), а во-вторых, в тот период аккинцы жили на западе современной Чечни [25, с. 143]. Кроме того, в источнике говорится о предгорье или подножии горы *Avhar*, что совершенно точно указывает на территорию Терско-Сулакского междуречья – нынешний Казбековский, Новолакский и южную часть Хасавюртовского района. Итак, очевидно, что данный регион в XIV в. входил в состав Сарира, а позднее – Аварского нуцальства. В довершение ко всему укажем, что название «Аухар» сам В.Г. Тизенгаузен, понимал как «Авар» [22, с. 124]. Такой же позиции придерживаются и современные историки [26, с. 164; 27, с. 337].

Итак, средневековый аварский город Алмак существовал вплоть до 1396 г., когда подвергся тотальному разрушению среднеазиатским завоевателем Тимуром Барласом. Об этом пишет историк XIX в., известный знаток персидских и арабских источников, хорошо знакомый с вышеприведенными сочинениями А. Бакиханов. На основе сведений, содержащихся в «древних записках и преданиях, сверенных большею частью с эпиграфическими памятниками и надписями» он указывает, что «эмир Тимур, покорив кумыков, обитающих между Тереком и Сулаком», поднялся в горы и опустошил «город Алмак (ныне деревня в Салатовском округе), который имел семь тысяч домов, а ныне здесь всего сто домов. Он взял город после сильного сопротивления и разорил его» [28, с. 80-81].

Уцелевшие жители города Алмак вынуждены были скрываться в горных ущельях, лесах и даже за Андийским хребтом. Если в горную крепость – современное селение Алмак заметно поредевшее население вернулось почти сразу после ухода войск Тимура, то в менее защищенной части бывшего города Алмак – в его предгорных хуторах и укреплениях еще царило запустение. Только

через несколько десятков лет снова начала оживляться жизнь в этих хуторах и кварталах Алмака.

Первым из них было возобновлено поселение Саларосо, которое располагалось на окраине современного селения Калининаул. Как пишет в XIX в. М.Б. Лобанов-Ростовский несколько семей аварцев Саламезра в XV в. поселились у слияния рек («к ущелью Акташа и поселились на правом берегу его, при впадении в Акташ потока Сала-су» [29]). Таким образом, был заново заселен квартал города Алмак, получивший название в письменных источниках – «Салаюрт». Во второй половине XVI в. туда заселился сын шамхала – Султан-Махмуд, и уже в 1614 г. в русских архивных данных это селение упоминается как «Салаюрт» (авар. росо и тюрк. юрт означают «селение») [30, с. 60]. Издавшая этот документ Е.Н. Кушева – авторитетный исследователь русских архивных источников по Кавказу поясняет, что: «Сала-юрт – одно из аварских равнинных обществ» [30, с. 283]. Н. Семенов в XIX в. пишет, что сала-уздени «всеми признаются выходцами из Гумбета или Салатавии (т.е. дагестанцами аварской народности)» [29, с. 241].

Российские архивные данные XIX в., основанные на опросе сала-узденей, свидетельствуют, что феодал, живший в Саларосо со своими родственниками, собирал с окрестного населения налоги, что окончилось его изгнанием в аварское селение Гелбах на р. Сулак². По преданиям дылымцев, именно на их землях жил «хан по имени Сала», которому принадлежали все окружающие территории [32, с. 121]. Он и его родня позже переселились в местность Чурми, выше современного Эндирея. Впоследствии большинство жителей Чурми и Саларосо переселились в Эндирей и Дылым [32, с. 120]. В итоге к нач. XVIII в. аварское поселение Саларосо снова стало населенным пунктом малых размеров.

На рубеже XVI–XVII вв. пустовавшие малые поселения, располагавшиеся на месте современного Ленинаула, вновь привлекли желающих снова освоить плодородные земли. На месте Ленинаула возникает населенный пункт, который был основан аварцами из Буртуная. В преданиях указывается, что буртунайцы жили на данном месте до 1730-х гг., после чего, видимо, переселились чуть севернее и образовали сезонный хутор Буртун (Бурсун), который уже в нач. XX в. заселили аккинцы, а с 1940-х гг. – дылымцы.

Ококи (кабардинцы) и Акки (вайнахи)

Во второй половине XVI в. у выхода р. Аргун на равнину располагалось небольшое феодальное владение Ших-мурзы Окуцкого. Этот феодал, будучи тесно связан с Аварским нуцальством, одновременно осуществлял посреднические связи с русским государством, пользуясь его покровительством. В конце XVI в. Ших-Мурза был убит «кумыкским князем», после чего часть «ококов» бежа-

² Фотокопии документальных материалов из лаборатории Ленинградского филиала АН СССР, выявленные А.С. Омаровым в 1962 г. // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 52/3036. Л. 60-63.

ла во владения русских, в город Терки [25, с. 167] (ныне развалины близ сел. Александрийское Кизлярского района). Попытки некоторых исследователей показать «окуцкое владение» одним из чеченских государственных образований не совсем правильны, поскольку Ших-Мурза и его родственники, согласно известным русским и иным источникам, обозначаются как «черкесы», то есть – кабардинцы [33, с. 18, 29, 137, 242, 243, 348, 520, 557; 34, с. 85; 35, с. 227, 233]. В тоже время известно, что ауховские чеченцы или аккинцы, считаются переселенцами из Акки, расположенной в верховьях р. Гехи и других горных частей Чечни и Ингушетии [36, с. 4, 11; 37, с. 125; 36, с. 5, 153].

Как передает, чеченец – офицер русской армии в XIX в. У. Лаудаев, «фамилии, образовавшие чеченское племя и происшедшие из различных элементов, находились в неприязненных одна к другой отношениях; они взаимно грабили друг друга. Более других терпела Аккинская фамилия (Акка). Вследствие этого половина этой фамилии уходит под покровительство аварского хана, в Аух, и получает название ауховцев; сами же для себя эти фамилии удержали название прародительской фамилии Аккий, т.е. выходцы из Акки. Чеченцы тоже называли их этим именем; когда же ауховцы приняли магометанство, а первобытная Аккинская фамилия оставалась еще в язычестве, то для религиозных отличий этой фамилии чеченцы называли первобытную Аккинскую фамилию керестан-аккий, т.е. христианские аккийцы, в отличие от ауховцев, принявших ислам» [36, с. 11].

Это переселение акинцев на равнину (к реке Мичик), под покровительство аварского хана произошло, согласно Е.Н. Кушевой, в 1550-1570 гг. [39, с. 69]. Н.Г. Волкова считает, что оно мело место немного позднее – на рубеже XVI–XVII вв., когда часть аккинцев из владения Ших-мурзы (выход Аргуна на равнину) мигрировала на реку Мичик (Гудермесский район ЧР) [25, с. 167-168]. К началу XVII в. относятся русские архивные документы, позволяющие предположить соседство общин «окочан» и «мичкизов» [36, с. 43, 49, 53], живших рядом на реке Мичик. Уже отсюда небольшая группа аккинцев в конце XVIII в. поселилась «в ущельях Акташа и Ямансу, получила название ауховцев» [1, с. 158].

В конце XVII в. выше Калининаула по реке Акташ поселилась часть аварцев Хубара и основала свои хутора на месте современных Албури-отара, Амирко и в других местах. Как указывается в одном источнике 1780-х гг. «при источнике реки Акдаш поселился деревнями сильной и многочисленной народ, называемый губар» [40, с. 253].

В 1732 г. русским офицером Д.Ф. Еропкиным был составлен ценный документ, в котором описаны населенные пункты и влиятельные лица северной части Дагестана. При описании Эндирея он указывает, что их владельцам принадлежат еще три деревни: «1. Алберю, 2. Караблак, 3. Тумен». При этом расстояние от крепости Святой крест на Сулаке до Эндирея по его словам составляет около 50 верст, а до других деревень – 70 и 80 верст [41, с. 122]. Вероятно, эти карабулакцы располагались на том же расстоянии, что и Брагуны (у слияния Сунжи и Терека), до которого расстояние также составляло 80 верст [41, с.

123]. Скорее всего, они располагались в долине реки Мичик, которая на рубеже XVII–XVIII вв. от Турловых, видимо, перешла под контроль эндиреевских князей. То есть, кроме собственно тюркоязычных Алберю и Тумена, им уже тогда принадлежала часть карабулакцев (они же аккинцы), поселившихся к тому времени в долине реки Мичик.

Ни одного аккинского населенного пункта при этом Д.Ф. Еропкиным не упоминается, в то время как приведены названия целого ряда аварских селений этого региона: Хубар («Губар»), «Асанбек» (располагался в центральной части Казбековского района), Зубутли («Цубуд»), Буртунай («Буртана»), Чиркей [41, с. 122–124].

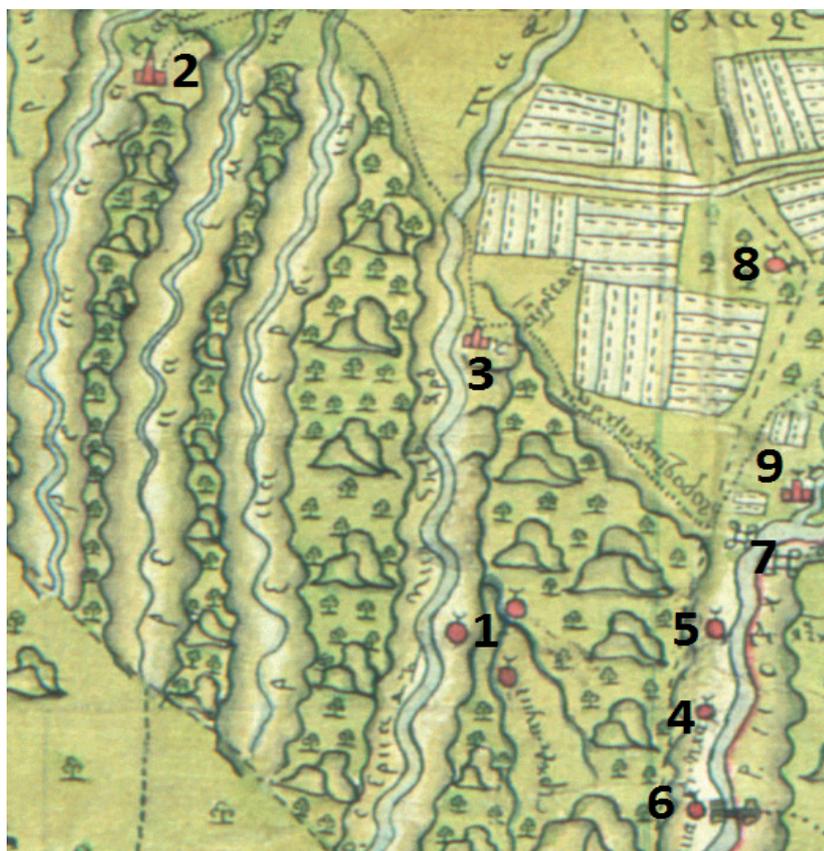

Рис. 1. Карта Большой и Малой Кабарды. 1744 г.³

Fig. 1. Map of Greater and Lesser Kabarda. 1744.
Russian State Military Historical Archive. F. 416. Inv. 1. File 300. L. 2.

³ Из-за сложности прочтения названий населенных пунктов, они обозначены нами цифрами. 1. «Три д. Гуни» («три деревни» это аварские селения Гуни, Алмак и Буртунай, определяемые по расположению на правом берегу Акташа). 2. «Д. Аксай» («Деревня Аксай»). 3. «Д. Андреева» (Эндирей). 4. «Д. Иха» («деревня Иха», жители которой ныне проживают в основном в Ленинауле). 5. «Д. Янгикент» (судя по расположению, это Зубутли или Миатли). 6. «Д. Гртема» (Гертма). 7. «бывшая Андреева д.» (Гелбах, где раньше располагалась ставка Султан-Махмуда, и откуда он перебрался на новое место и основал там селение Эндирей). 8. «Д. Брауны» (согласно письменным источникам, Брагуны раньше располагались где-то в районе Костека, откуда перешли в междуречье Терека и Сунжи), 9. «Д. Темира» (Темираул). Отсутствие на этой карте Юрт-ауха, Акташ-ауха и других относительно старых аккинских поселений показывает, что на 1744 г. аккинцы в Терско-Сулакском междуречье еще не проживали.

Через лет 30 происходит важное для истории данного региона событие. В 1763 г. правитель кумыкского княжества Эндирей Муртазали Чупанов организовывает переселение 500 семей из подвластных себе мелких поселений, располагавшихся на границе современных Чечни и Ингушетии. Эти переселенцы разговаривали на языке близком к ингушскому и были известны как карабулаки. Как указывается в русском архивном источнике от 1763 г. эти «карабулаки живут между ингушцев и чебкулинцев, позади чеченского народа», «никакого закона не содержат», т.е. не придерживаются какой-либо религии. Еще в 1762 г. Муртазали обещал построить им мечеть и определить для них муллу, чтобы привести в ислам [42, с. 107–108]. В итоге в 1763 г. около 500 семей были переселены на р. Акташ. Первоначально они были поселены Муртазали Чупановым на аварском хуторе Саларосо (он же Салаюрт, а ныне Калининаул), которое еще со времен его предка – Султан-Махмуда считалось его владением. Однако здесь им явно не хватало места, и большая часть была им поселена ниже по течению р. Акташ [38, с. 136], где располагался хутор буртунайцев.

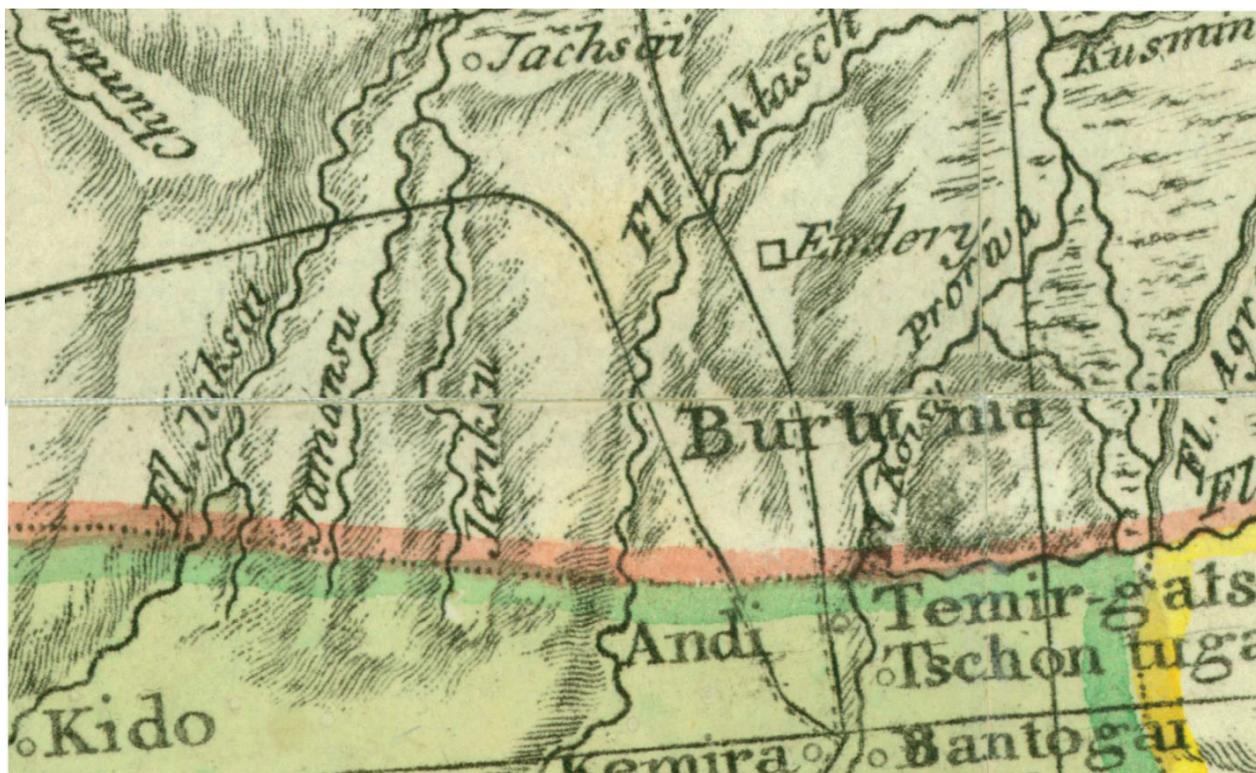

Рис. 2. Карта Кавказа. Гильденштедт И. 1780 г.
Российский государственный военно-исторический архив.
Ф. 846. Оп. 16. Д. 20517. Л. 3.⁴

Fig. 2. Map of the Caucasus. Gildenstedt I. 1780.
Russian State Military Historical Archive. F. 846. Inv. 16. File 20517. L. 3

4 На этой карте 1780 г., выполненной по материалам начала 70-х гг. XVIII в. аккинских поселений все еще нет, поскольку они еще не успели оформиться в стационарные населенные пункты с постоянным оседлым населением. Территория южнее Эндирей указана крупным шрифтом как «БУРТУМА», т.е. Буртунай, что следует понимать как обозначение земель, населенных аварцами, чьим центром являлся этот населенный пункт.

В итоге в обоих местах аварские населенные пункты оказались заселены большим количеством семей, которые уже несколько десятков лет «подать давали» отцу и деду указанного Муртазали-хаджи Чупанова [42, с. 107]. Переселяя своих подвластных крестьян на считавшиеся его владением земли, он, конечно же, хотел достичь увеличения поступающих ему налогов, поскольку располагавшиеся там аварские хутора особого дохода ему не давали, а их жители платить подати не хотели, считая эти земли своей собственностью. При переселении же карабулакцев (орстхой и аккинцы), он выделял им места для постройки домов и придомовые территории, а за **пользование** всеми окружающими землями они должны были платить подати их хозяину – Муртазали Чупанову, чьи доходы выросли в разы.

Такое положение не могло устраивать аварцев – жителей населенных пунктов, которые оказались массово заселены Муртазали своим податным населением, а они лишены больших объемов сельскохозяйственных угодий. Источник 1780-х гг. указывает, что живущие по Акташу хуторами буртунайцы и хубарцы разговаривают на языке, которого не понимают живущие «ниже их авуг», т.е. аккинцы, которых аварцы называют гIавухъ. Он же указывает, что эти две общины «согласясь почасту грабят четченоев» [40, с. 253], которые недавно поселились на их землях.

Рис. 3. Карта пограничных линий Российской империи между Каспийским и Азовским морями лежащей. Штедер Л. 1782 г. Российский государственный военно-исторический архив Ф. 846. Оп. 16. Д. 25675. Л. 4.

Fig. 3. Map of the border lines of the Russian Empire between the Caspian and Azov seas. Steder L. 1782. Russian State Military Historical Archive. F. 846. Inv. 16. File 25675. L. 4

Со временем отношения, однако, наладились, распространились взаимные браки, в результате чего коренное аварское население Саларосо и Ахдачиба оказалось ассимилировано, т.е. смешалось с основной массой аккинского населения. Как говорят предания аккинцев, «аварских (суьли) фамилий много между нами» [38, с. 134–135]. Необходимо отметить, что орстхоевцы и аккинцы, по свидетельствам этнографов и лингвистов, представляли собой по существу «один народ» («если не единый, то весьма близкий этноязыковой массив»), живший на границе зон расселения чеченцев и ингушей и впоследствии растворившийся среди этих двух народов [25, с. 167; 43, с. 77]. Академик А.Н. Генко также отмечает, что орстхоевцы (карабулаки) во многом являются аккинцами по происхождению, приводя при этом предания и языковой материал [44, с. 685–686].

По данным А.М. Буцковского на 1812 г., аккинцами («аухи») «называются поселившиеся на землях кумыцких около вершин рек Агташа и Ярухсу карабулакские и частью чеченские выходцы, кои кумыкам дань платят баранами и в обязанности которых давать вспомогательных воинов» [45, с. 243]. О переселении из Карабулака на реку Мичик, под покровительство аварского нуцала, мы уже указали выше. Теперь же приведем данные о переселении из Чечена, т.е. владения аварских правителей Турловых, которое также состоялось в 1760-х гг.

Это подтверждает письмо жителей сел. Кишен-Аух («от народа называемой Кашан Ауха») кизлярскому коменданту Н.А. Потапову об оказании содействия в их намерении переселиться на р. Сунжу, полученное 29 марта 1768 г. «В. превосх. мы объявляем, что мы не холопы и не уздени андреевских и аксайских владельцев, токмо просим не изволите дать им нас во обиду. Мы желание имеем переселится при Расланбеке к р. Сунже, ибо мы, прежде вышедши из Чечен, а ныне желаим паки в Чечен переселятся, токмо владельцы хотят в том препятствовать, для того в. превосх. просим в том им учините запрещение»³.

Упомянутый в тексте письма – Арсланбек («Расланбек»), сын Айдемира (правнук Турурава, основавшего «Малое Аварское владение» с центром в сел. Мехельта) упоминается в качестве правителя части Аварского нуцальства в 1757-70 гг. [46, с. 45–47]. Его владения включали в себя предгорные и равнинные земли современных Шалинского и Курчалоевского районов ЧР. Как пишет в 1830-х гг. военный топограф И. Бларамберг: «Все пространство между правым берегом Сунжи и Черными горами принадлежало раньше князьям Турловым, по происхождению – аварцам, которые живут ныне среди покорных чеченцев, напротив Наура. Два века назад чеченцы спустились с гор вследствие внутренних распрей и многочисленности населения. Спустившись, они обосновались в перечисленных ранее долинах, платя дань князьям Турловым, но постепенно они освободились от уплаты дани и стали

³ Письмо жителей сел. Кишен-Аух кизлярскому коменданту Н.А. Потапову // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 681. Л. 104об.

совершенно независимыми» [47, с. 332–333].

Согласно приведенному выше документу предки жителей сел. Кишен-аух, незадолго перед этим переселившиеся из владения Турловых, из-за притеснений со стороны эндиреевских князей хотят обратно переселиться на прежнее место жительства – владение Чечен, которое принадлежало Турловым. Поскольку тут упоминается Чечен на р. Сунжа, то под этим названием может скрываться только поселение «Бугюн-юрт» или «Топли», которое располагалось у слияния рек Аргун и Сунжа и являлось одним из владений Арсланбека [43, с. 46].

Также стоит добавить, что по преданиям, аккинцы Ярыксу-ауха (Гъачалкъа) переселились сюда из под хребта Гъачалкъой-дукъ, расположенного рядом с городом Гудермес [48, с. 367] ⁵.

Рис. 4. Военно-топографическая карта Кавказской губернии. 1811 г.
Российский государственный военно-исторический архив.
Ф. 386. Оп. 1. Д. 3044. Л. 1

Fig. 4. Military topographic map of the Caucasus province. 1811.
Russian State Military Historical Archive. F. 386. Inv. 1. File 3044. L. 1

Таким образом, согласно преданиям и показаниям источников, «движение аккинцев на восток происходило в несколько этапов, причем часть их осела в районе низовьев Аргуна. Подобный характер движения аккинцев отразился также в их исторических преданиях, указывающих на промежуточную область их обитания район р. Мичик» [25, с. 168]. Еще на картах XIX в. на р.

⁵ При этом исследователь чеченской топонимии А. Сулейманов приводит легенду о том, что якобы аккинцы этого аула изначально здесь жили и были вынуждены укрыться у Гудермеса, а потом вернуться обратно. Но источники и общая направленность этого раздела монографии заставляет сомневаться в его объективности.

Мичик располагалось селение Аку-юрт ⁶, которое следует идентифицировать как промежуточный пункт в миграции аккинцев на территорию современного Дагестана. Согласно данным от 1826 г., карабулаков, живших прежде на р. Мичик, потеснили на восток чеченцы. *«Первые чеченцы, поселившиеся на землях, ими занимаемых, вышли из ближайших гор. Население их до 1770 г. было малоллюдно, и они повиновались владельцам Кумыкским, будучи от них наделяемы землями. Им нужно было покровительство их против Карабулаков, народа сильнейшего, вышедшего прежде из гор».* Постепенное увеличение количества чеченцев посредством переселения к ним их земляков, *«дало им средство уклониться от зависимости кумыков, присвоить их землю и преодолеть карабулаков»* [49, с. 512].

Вывод о том, что переселение аккинцев на территорию современного Дагестана состоялось именно в 1763 г. подтверждает предпринятое нами исследование кладбищ 4 селений, где аккинцы уже жили к 1812 г. Это Лени-наул (Ахдачиб; Акташ-аух), Калининаул (Саларосо; Салаюрт; Юрт-аул), часть села Новокули (Ярыксу-аух) и Чапаево (Кишен-аул).

По итогам полного визуального исследования всех кладбищ (сфотографированы надмогильные плиты со всех кладбищ) этих четырех селений мы можем констатировать, что самое старое захоронение здесь датируется 1771 г. (1185 г.х.). Другие эпитафии на надмогильных плитах датированы 1780-ми и более поздними годами. Это обстоятельство подтверждает тезис о том, что массовое переселение аккинцев на территорию Дагестана состоялось в 1763 г.

Здесь они считались подвластными эндириевским князьям, а освободил их от этой зависимости только имамат в 1840 г. Имам Шамиль все освобожденные от феодальной зависимости общества объявлял свободными, и налоги, которые шли за пользование землями князьям, теперь уходили в казну имамата – байт-ул-мал. Судя по показаниям эндириевских князей от 1862 г., налог за пользование их землями, т.е. *«ясак с ауховцев перестали получать со времени возмущения, последовавшего в 1840 году. Из рассказов же стариков видно, что четыре аула ауховского общества: Акташ-аух, Юрт-аух, Кишень-аух и Ярык-Су-аух платили ясак старшим андиреевским князьям».* Эндириевские князья хотели по-прежнему получать с них налоги, но местные власти Российской империи посчитали, что выгоднее эти налоги направить в казну государства и отказали князьям в праве *«к бесспорному владению землею ауховскою»* [50, с. 689].

Таким образом, аккинцы на территории современного Дагестана впервые компактно расселились в 1763 г. Они были поселены князем Муртазали-хаджи Чупановым на своих землях с условием уплаты налогов (арендной платы). Земли, на которых были построены их населенные пункты и которыми они пользовались в качестве сельхозугодий, принадлежали до 1840 г. эндириевским князьям. В 1840-59 гг. они принадлежали казне (байт-ул-мал) имамата Шами-

⁶ Аку-юрт располагался на северо-западной окраине современного селения Бачи-юрт Курчалоевского района.

ля. После 1859 г. попытки эндириевских князей вновь объявить эти земли своей собственностью были пресечены царской администрацией Терской области. Частные земли были предоставлены в распоряжение аккинцев, а пастбища и прочие земли, расположенные за пределами сельской округи, были переданы в казну государства и сдавались в аренду аккинцам. В ходе Кавказской войны в 1840-50-х гг. и после нее во второй половине XIX в. аккинцы в разы расширили свою территорию за счет основания хуторов на принадлежавших Алмаку пред-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. (Книга I). Махачкала: Издательство типографии ДНЦ РАН, 1999. – 366 с.
2. Дадаев М.И. Дылым в XIV-XX вв. Махачкала: Алеф, 2015. – 268 с.
3. Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука, 1993. – 325 с.
4. Давудов О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени. Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 1996. – 428 с.
5. Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в западном Прикаспии. Курганские могильники Прикаспийского Дагестана III – V вв. н.э. Махачкала: МавраевЪ, 2015. – 452 с.
6. Абрамова М.П., Магомедов М.Г. О происхождении культуры Андрей-аульского городища // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980. С. 123–140.
7. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб.: Питер, 1994. – 238 с.
8. Атаев Д.М. Основные итоги историко-археологического изучения средневековой Аварии // Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1963. Том XI (серия историческая). С. 186–199.
9. Путинцева Н.Д. Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение) // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1961. Т. II. С. 248–264.
10. Магомедов М.Г. Верхне-Чирюртовский курганный могильник // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана: ИИЯЛ. Махачкала, 1977. С. 5–35.

REFERENCES

1. Aliev B.G., Umakhanov M.-S.K. *Historical geography of Dagestan XVII - early XIX century. (Book I). [Istoricheskaya geografiya Dagestana XVII – nach. XIX v. (Kniga I)]*. Makhachkala: DSC RAN, 1999. (In Russ.)
2. Dadaev M.I. *Dilim in the XIV-XX centuries [Dylim v XIV-XX vv.]*. Makhachkala: Alef. 2015. (In Russ.)
3. Abakarov A.I., Davudov O.M. *Archaeological map of Dagestan [Arkheologicheskaya karta Dagestana]*. Moscow: Nauka, 1993. (In Russ.)
4. Davudov O.M. *Material culture of Dagestan in Albanian period [Material'naya kul'tura Dagestana albanskogo vremeni]*. Makhachkala: Tipografiya DSC RAS, 1996. (In Russ.)
5. Malashev V.Y., Gadzhiev M.S., Ilyukov L.S. *The land of Maskuts in the western Caspian region. Burial mounds of the Caspian Dagestan of the 3–5th centuries AD [Strana maskutov v zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogil'niki Prikaspiiskogo Dagestana III–V vv. n.eh.]*. Makhachkala: Mavraev, 2015:452. (In Russ.)
6. Abramova M.P., Magomedov M.G. On the origin of the culture of the Andrey-aulsky settlement [O proiskhozhdenii kul'tury Andrei-aul'skogo gorodishcha] *Severnyi Kavkaz v drevnosti i v srednie veka*. Moscow: Nauka, 1980: 123–140. (In Russ.)
7. Gadlo A.V. *Ethnic history of the North Caucasus of the 10-13th centuries [Ehtnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza X–XIII vv.]* St. Petersburg: Piter, 1994.
8. Ataev D. The main results of the historical and archaeological research of the Medieval Avaria [Osnovnye itogi istoriko-arkheologicheskogo izucheniya srednevekovoi Avarii] *Proceedings of the Institute of History, Language and Literature of the Dagestan affiliate of AS SSSR Vol. XI*. Makhachkala: Tipografiya Dagestanskogo filiala AN SSSR, 1963: 186–199.
9. Putintseva N.D. *Verkhnechiryurt burial groud (preliminary report) [Verkhnechiryurtovskii mogil'nik (predvaritel'noe soobshchenie)]* *Materials on archeology of Dagestan [Materialy po arkheologii Dagestana]*. Vol. II. Makhachka-

11. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. По материалам археологических исследований и письменных данных. М.: Наука, 1983. – 224 с.
12. Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения. Могильники. Махачкала: ДНЦ РАН, 1993. – 367 с.
13. Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. – 398 с.
14. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII – XIV вв.: текст, перевод, комментарий. М.: Восточная литература, 2009. – 223 с.
15. Мровели Леонти. Жизнь Картлийских царей: Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / пер. с древнегруз., пред. и комм. Г.В. Цулая. М.: Наука, 1979. – 103 с.
16. Атаев М.М. Авария в X–XV вв. Махачкала: Республиканская газетно-журнальная типография, 1995. – 248 с.
17. Гадло А.В. Экономическая история Северного Кавказа IV–X вв. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1979. – 216 с.
18. Магомедов М.Г. Верхне-Чирюртовское городище // Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1963. Т. 19 (серия общественных наук). Кн. 2 (археология, этнография, досоветская история). С. 147–167.
19. Айтберов Т.М. К истории аварцев Терско-Сулакского междуречья. Махачкала: Алеф, 2015. – 254 с.
20. Криштопа А.Е. Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерк политической истории. М.: Таус, 2007. – 228 с.
21. Материальная культура аварцев / под ред. Ихилова М.М. Махачкала: ИИЯЛ ДагФАН СССР, 1967. – 305 с.
22. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. М.;Л.: Издательство АН СССР, 1941. Т. 2: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. – 308 с.
23. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. – 544 с.
24. Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-на-ла: Dagestan book publishing, 1961: 248-264. (In Russ.)
10. Magomedov M.G. Upper-Chiryurtovsky burial ground [Verkhne-Chiryurtovskii kurgannyi mogil'nik] *Archeological monuments of early medieval Dagestan: Institute of History, Language and Literature [Arkheologicheskie pamyatniki rannesrednevekovogo Dagestana: IYAL]*. Makhachkala, 1977: 5-35. (In Russ.)
11. Magomedov M.G. *The formation of the Khazar Khaganate. Based on the archaeological research and written data [Образование Хазарского каганата. По материалам археологических исследований и письменных данных]*. М.: Nauka, 1983. (In Russ.)
12. Gmyrya L.B. *Peri-Caspian Dagestan in the era of the Great Peoples' Migration. Burial grounds. [Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения. Могильники]*. Makhachkala: DSC RAS, 1993. (In Russ.)
13. Kovalevskaya V.B. *The Caucasus – Scythians, Sarmatians, Alans of the I millennium BC - I millennium AD [Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.]*. Moscow: ONTI PNC RAS, 2005. (In Russ.)
14. Konvalova I.G. *Eastern Europe in the works of Arab geographers of the XIII-XIV centuries: text, translation, commentary. [Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII – XIV вв.: текст, перевод, комментарий]*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2009. (In Russ.)
15. Mroveli Leonti. *Life of Kartli kings: extracts about the Abkhaz, the peoples of the North Caucasus and Dagestan [Жизнь Картлийских царей: Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана]* / trans. from the ancient Georgian, preface and comm. by G.V. Tsulaya. Moscow: Nauka, 1979. (In Russ.)
16. Ataev M.M. *Avaria in the X-XV centuries [Авария в XI-XIV вв.]*. Makhachkala: Republikanskaya gazetno-zhurnalnaya tipografiya, 1995. (In Russ.)
17. Gadlo A.V. *The economic history of the North Caucasus in the IV-X centuries [Экономическая история Северного Кавказа IV-X вв.]*. Leningrad: LGU, 1979. (In Russ.)
18. Magomedov M.G. *Verkhne-Chiryurt hillfort [Верхне-Чирюртовское городище Proceedings of the Institute of History, Language and Literature of the Dagestan affiliate of AS SSSR. Makhachkala: Dagestan affiliate of AS SSSR. Vol. 19 (social sciences series). Book 2 (archeology, ethnography, pre-soviet history). 1963: 147-167. (In Russ.)*
19. Aytberov T.M. *To the history of the Avars of the Terek-Sulak interfluve [К истории аварцев Терско-Сулакского междуречья]*. Makhach-

ме / пред., пер. состароузбек., комм., ук. и карта А. Ахмедова. Ташкент: SANAT, 2008. – 485 с.

25. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX века. М.: Наука, 1974. – 276 с.

26. Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. – 272 с.

27. Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 1996. – 462 с.

28. Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-и Ирам / ред., комм., прим. и указ. З.М. Буниятова. Баку: Элм, 1991. – 304 с.

29. Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы // Газета «Кавказ». Тифлис, 1846. № 37–38.

30. Кушева Е.Н. Русско-чеченские отношения: вторая половина XVI–XVII в. М.: Восточная литература, 1997. – 416 с.

31. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб.: Типография А. Хомского и К., 1895. – 499 с.

32. Идрисов Р. Салатавия – дир члухИи. Махачхъала: Эпоха, 2005. – 274 с.

33. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М.: Унив. тип., 1889. Вып. I. 1578–1615. – 715 с.

34. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М.: Издательство АН СССР, 1957. Т. I. – 478 с.

35. Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. М.: Дагестанское книжное издательство, 1958. – 336 с.

36. Лаудаев У. Чеченское племя (с примечаниями) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1872. Вып. VI. С. 1–62.

37. Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1859. – 140 с.

38. Арсаханов И. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1959. – 180 с.

39. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 371 с.

кала: Alef, 2015. (In Russ.)

20. Krishtopa A.E. *Dagestan in the XIII – early XV centuries. Essay on the political history [Dagestan v XIII – nachale XV vv. Ocherk politicheskoi istorii]*. Moscow: Taus, 2007. (In Russ.)

21. *The material culture of the Avars [Material'naya kul'tura avarcev]*. Ed. Ikhilov M.M. Mahachkala: IHLL DagFAN SSSR, 1967. (In Russ.)

22. Tizengauzen V.G. *Collection of materials relating to the history of the Golden Horde [Sbornik materialov otnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordya]*. Vol. 2: Extracts from the Persian essays collected by V.G., Tizengausen and edited by A.A. Romaskevich and S.L. Voliniy. Moscow, Leningrad: AN SSSR Press, 1941. (In Russ.)

23. *The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century [Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v.]*. Moscow: Nauka, 1988. (In Russ.)

24. Sharaf ad-Din Ali Iazdi. *Zafar-nameh / preface, trans. from ancient Uzbek, comm., references and map by A. Akhmedov*. Tashkent: SANAT, 2008. (In Russ.)

25. Volkova N.G. *The ethnic composition of the North Caucasus in the XVIII – early XIX century [Ehtnicheskii sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XIX veka]*. Moscow: Nauka, 1974. (In Russ.)

26. Gadzhiev V.G. *The essay of J. Herber "Description of lands and peoples between Astrakhan and the Kura River" as a historical source on the history of the peoples of the Caucasus [Sochinenie I. Gerbera «Opisanie stran i narodov mezhdru Astrakhan'yu i rekoj Kuroi nakhodyashchikhsya» kak istoricheskii istochnik po istorii narodov Kavkaza]*. Moscow: Nauka, 1979. (In Russ.)

27. Gadzhiev M.G., Davudov O.M., Shikhsaidov A.R. *The history of Dagestan from ancient times to the end of the XV century [Istoriya Dagestana s drevneishikh vremen do kontsa XV v.]*. Makhachkala: DSC RAS, 1996. (In Russ.)

28. Abbas-Kuli-Aga Bakikhanov. *Golestan-e Eram / ed., comm., notes and references by Z.M. Bunyatov*. Baku: Elm, 1991. (In Russ.)

29. Lobanov-Rostovski M.B. Kумыкs, their morals, customs and laws [Kумыкi, ikh нравy, obychai i zakony] «Kavkaz». Tiflis, 1846. №37–38. (In Russ.)

30. Kusheva E.N. *Russian-Chechen relations: second half of the XVI–XVII centuries [Russko-chechenskie otnosheniya: vtoryaya polovina XVI–XVII v.]* Moscow: Vostochnaya literatura, 1997. (In Russ.)

31. Semenov N. *Natives of the North-Eastern Caucasus [Tuzemtsy Severo-Vostochnogo*

40. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1992. – 304 с.
41. Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // История, география и этнография Дагестана. М.: Издательство восточной литературы, 1958. С. 121–124.
42. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. / сост. В.Г. Гаджиев. М.: Наука, 1988. – 357 с.
43. Овхадов М.Р. Основные лексические особенности орстхойского говора галанчоожского диалекта чеченского языка // Вопросы отраслевой лексики. Грозный: Чечено-Ингуш. гос. ун-т им. Л. Н. Толстого, 1983. С. 77–78.
44. Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедения при Азиатском музее АН СССР. Л.: Издательство АН СССР, 1930. Т. 5. С. 681–761.
45. Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // История, география и этнография Дагестана. М.: Издательство восточной литературы, 1958. С. 239–246.
46. Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. (гумбетовцы в средневековой и новой истории Северо-Восточного Кавказа). Махачкала: Формат, 2006. – 96 с.
47. Иоганн Бларамберг. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / пер. с француз., пред. и комм. И.М. Назаровой. М.: Изд. Надыршин, 2010. – 400 с.
48. Сулейманов А. Топонимия Чечни. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2006. – 712 с.
49. АКАК. Т. VI. Ч. 2. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. – 954 с.
50. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века. Сборник документов / сост. В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. – 784 с.
- Kavkaza*]. St.Petersburg: A. Khomsky and Co., 1895. (In Russ.)
32. Idrisov R. *Salataviya – my pride [Salataviya – dir chukhi]*. Makhachkala: Epokha, 2005. (In Avar).
33. Belokurov S.A. *Russian relations with the Caucasus [Snosheniya Rossii s Kavkazom]*. Issue I. 1578-1615. Moscow: Univ. press, 1889. (In Russ.)
34. *Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries [Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vv.]*. Moscow: AN SSSR, 1957. Vol. I. (In Russ.)
35. *Russian-Dagestan relations in the XVII - the first quarter of the XVIII century [Russko-dagestanskije otnosheniya v XVII – pervoi chetverti XVIII v.]*. Makhachkala: Dagestan Book Publishing, 1958. (In Russ.)
36. Laudaev U. Chechen tribe (with notes) [Chechenskoe plemya (s primechaniyami)] *The collected information about the Caucasian mountaineers [Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsagh]*. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1872. Vol. VI: 1-62. (In Russ.)
37. Berzhe A.P. *Chechnya and Chechens [Chechnya i chechentsy]*. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1859. (In Russ.)
38. Arsakhanov I. *Akkinsky dialect in the system of the Chechen-Ingush language [Akkinskii dialekt v sisteme checheno-ingushskogo yazyka]*. Grozny: Checheno-Ingushs book publishing, 1959.
39. Kusheva E.N. *The peoples of the North Caucasus and their ties with Russia in the XVI – XVII centuries [Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei v XVI-XVII vv.]*. Moscow: AN SSSR, 1963. (In Russ.)
40. *Dagestan in the news of Russian and Western European authors of the XIII - XVIII centuries [Dagestan v izvestiyakh russkikh i zapadnoevropeiskikh avtorov XIII – XVIII vv.]* Makhachkala: Dagestan book publishing, 1992:304. (In Russ.)
41. Eropkin D.F. Register to the mountain owners. 1732 [Reestr gorskim vladel'tsam. 1732 g. *History, geography and ethnography of Dagestan [Istoriya, geografiya i ehtnografiya Dagestana]*. Moscow: Vostochnaya literatura press, 1958: 121–124. (In Russ.)
42. *Russian-Dagestan relations in the XVIII - early XIX century [Russko-dagestanskije otnosheniya v XVIII – nachale XIX v.]*. *Collected documents / comp. by V.G. Gadzhiev*. Moscow: Nauka, 1988. (In Russ.)
43. Ovkhadov M.R. The main lexical features of the Orstkhoy dialect of the Galanchozh dialect of the Chechen language [Osnovnye leksicheskie

osobnosti orstkhoiskogo govora galanchozhskogo dialekta chechenskogo yazyka] *Issues of the branch lexis [Voprosy otraslevoi leksiki]*. Grozny: Tolstoi Checheno-Ingush State University, 1983: 77–78. (In Russ.)

44. Genko A.N. From the cultural past of the Ingush [Iz kul'turnogo proshlogo ingushei] *Proceedings of the collegium of Oriental studies of the Asian museum of the AS SSSR [Zapiski kollegii vostokovedeniya pri Aziatskom muzee AN SSSR]*. Leningrad: AN SSSR, 1930. Vol. 5: 681–761.

45. Butskovskii A.M. Excerpts from the description of the Caucasian province and the neighboring mountain regions. 1812 [Vyderzhki iz opisaniya Kavkazskoi gubernii i sosednikh gorskikh oblastei. 1812 g. *History, geography and ethnography of Dagestan [Istoriya, geografiya i ehtnografiya Dagestana]*. Moscow: Vostochnaya literatura press, 1958: 239–246.

46. Aytberov T.M. *Avar-Chechen rulers from the Turlov family and their legal monuments of the 17th century (Gumbets in the medieval and new history of the North-Eastern Caucasus) [Avaro-chechenskie praviteli iz dinastii Turlovykh i ikh pravovye pamyatniki XVII v. (gumbetovtsy v srednevekovo i novoi istorii Severo-Vostochnogo Kavkaza)]*. Makhachkala: Format, 2006.

47. Johann Blaramberg. *Historical, topographical, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus [Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, ehtnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza]* / trans. from French, foreword and comm. by I.M. Nazarova. Moscow: Nadyrshin Press, 2010.

48. Suleimanov A. *Toponymy of Chechnya [Toponimiya Chechni]*. Grozny: GUP «Knizhnoe izdatel'stvo», 2006.

49. AKAK. Vol. VI. Part 2. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1875.

50. *The campaign of the mountaineers of the North-Eastern Caucasus in the 20-50s' of the XIX century. Collection of documents [Dvizhenie gortsev Severo-Vostochnogo Kavkaza v 20-50 gg. XIX veka. Sbornik dokumentov]* / comp. by V.G. Gadzhiev, K.K. Ramazanov. Makhachkala: Dagestan book publishing, 1959.

Статья поступила в редакцию
04.07.2019 г.